

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Она — типичная
хищница, никаких
моральных запретов.
Мужу грозит
пожизненное
заключение, а она
ходит на приемы.*

Чингиз Абдуллаев

ЭКСМО

Мечта дилетантов

Чингиз Акифович Абдуллаев

Мечта дилетантов

Серия «Дронго», книга 75

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179841

Чингиз Абдуллаев. Мечта дилетантов: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-34340-9

Аннотация

В московском отеле «Марриот Аврора» вице-президент солидного банка зверски убил одного из своих сотрудников. На первый взгляд – совершенно немотивированное убийство, тем более обвиняемый отказывается давать показания. И все-таки эксперт-аналитик Дронго выясняет, что причина преступления – ревность: банкир подозревал свою жену в неверности. Но «раскрутить» эту версию не удалось – жену банкира задушили в машине. А когда в лестничный пролет столкнули важного свидетеля, Дронго понял, что убийца идет по его следам и готов на все...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	33
Глава четвертая	47
Глава пятая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Чингиз Абдуллаев

Мечта дилетантов

«Кто лишь чуть-чуть не глуп, тот не может жить и не презирать себя, честен он или бесчестен – это все равно. Любить своего ближнего и не презирать его – невозможно».

Федор Достоевский

«Ты, – говорил он, показывая на меня так, что я чувствовал, будто меня впервые явили в этом мироздании, – ты можешь делать все, что хочешь, но также ты должен делать то, что говорю я. С сегодняшнего дня слушай внимательно, что я тебе говорю, смотри внимательно, что я делаю. Это жизнь такая шутка, которая совсем не шутка. Даже москиты знают, что им надо выживать».

Бен Окри «Голодная дорога»

Глава первая

Он прилетел в Баку на несколько дней, на свадьбу своего племянника. Все прошло как обычно. Огромное количество гостей и родственников, превышающее всякие разумные пределы. Был арендован зал на пятьсот человек, в котором с трудом разместили всех приглашенных. Восточная свадьба – это целый ритуал со своими условностями и тра-

дициями. При этом бакинская свадьба удивительно сочетает в себе европейские и восточные традиции, превращая ее в незабываемое зрелище не только для жениха и невесты, но и для всех гостей.

Он вернулся домой во втором часу ночи. Уходить раньше положенного времени было не принято. Вернулся уставшим и недовольным. Семь часов проведенных за столом под громкие крики, танцы и звуки музыки могли выбить из нормальной колеи кого угодно. Нужно было еще и поглощать пищу, так как хорошая свадьба подразумевала пять или шесть основных блюд, которые менялись с поразительной частотой, а также огромное количество алкоголя. При этом на бакинских свадьбах проявлялся удивительный космополитизм, когда пили абсолютно все – от шампанского до вина, от водки до виски, от коньяка до текилы. У каждого были свои предпочтения. Здесь не придерживались строгих запретов. Среди гостей могли быть и абсолютные трезвенники, совершавшие хадж в Мекку и не притрагивающиеся к спиртному. Таких обычно сажали за отдельный стол, чтобы не смущать их видом остальных потребителей горячительных напитков. Ради справедливости стоит признать, что на пятьсот человек приглашенных таких бывало от силы десять или пятнадцать гостей.

Пройдя в кабинет, он включил свой ноутбук. Благодаря мобильному Интернету теперь можно было включать ноутбук практически в любой точке не только московской или

римской, но и бакинской квартиры. Правда, в отличие от римского дома, в котором Джил обитал с детьми, в Москве и в Баку у него были две идентичные квартиры с одинаковой мебелью, сантехникой, бытовыми приборами и даже занавесками и обоями. Самым трудным оказалось создать идентичную библиотеку, первую он собирал много лет. В ней было много его любимых книг. Вторую он собрал за пять или шесть лет, подбирая такие же книги. Он старался держать их на одних и тех же полках, в том порядке, в котором они были расставлены в другой квартире. Иногда это приводило к смешной путанице, когда он просто забывал, где именно находится в данный момент. Настоящая глобализация в действии, часто думал Дронго. Ведь японские телевизоры, немецкие пылесосы, испанская мебель, шведские холодильники, итальянские стиральные машины, китайские занавески, русские и английские книги, бельгийские кожаные кресла, швейцарские обои, французская посуда были одинаковыми как в Баку, так и в Москве.

Он прочитал несколько сообщений, отправил два письма и уже собирался отключиться, когда увидел еще одну весточку. Он взглянул на часы. Три часа ночи. Даже для Европы достаточно поздно. Может, послание из Америки. Адресат был ему неизвестен, но письмо отправлено из Москвы. Еще более удивительным выглядел тот факт, что в заголовке письма значилось: «Просьба о помощи». Обычно так письма никто не начинал.

Немного подумав, он решил распечатать письмо, включив антивирусную программу. Для подобных писем у него был другой ноутбук, через который он пропускал все подозрительные послания. Переключившись на него, он прочел письмо.

– «Извините, господин Дронго, что я обращаюсь к Вам с этим необычным письмом. Я знаю Ваше настоящее имя, но мне сказали, что к Вам обычно так и обращаются. У меня к Вам огромная просьба о помощи. Я хотела бы встретиться с Вами лично и все обсудить. Если вы, конечно, разрешите. Извините, что набралась смелости и написала Вам это письмо. Если ответите, я буду знать, что Вы согласились. Извините еще раз. Сабина».

«Странно, что она знает, куда именно отправлять свои письма», – сразу подумал Дронго. Он иногда получал подобные послания, но отвечать на каждое из них было бы пустой тратой времени. О его расследованиях уже знало достаточно большое количество людей. Иногда о нем писали в газетах и журналах. Он не любил подобные статьи, искренне считая, что они вредят его имиджу независимого эксперта и создают вокруг ненужный ажиотаж. Но в двадцать первом веке, когда основные новости посредством Интернета становились известными уже через несколько минут после их появления во Всемирной сети, с подобной „популярностью“ приходилось мириться. Но отвечать на каждый подобный запрос, на каждое обращение было просто невозможно.

Он еще раз перечитал письмо. Такие письма он получает почти ежедневно. И не может объяснить людям, что просто физически не в состоянии помогать каждому обратившемуся за помощью. Хотя бы потому, что тогда он станет вынужден заниматься этими делами всю оставшуюся жизнь. Но и отказывать таким людям ему было немного грустно. Словно он оставлял в беде человека, который так надеялся на его помощь.

Утром его разбудил телефонный звонок. Он взглянул на часы. Уже половина одиннадцатого. После третьего звонка включился автоответчик, сообщивший, что позвонивший может оставить свое сообщение. Раздался недовольный голос матери, которая хотела узнать, почему ее сын не берет трубку. Услышав, кто именно ему звонит, он сразу поднялся, чтобы взять трубку.

– Твой автоответчик говорит таким противным голосом, – сразу заявила ему мать.

– Это мой голос, – улыбнулся он, – я записал обращение, чтобы меня не беспокоили.

– Ты хочешь сказать, что я тебя беспокою? – уточнила она.

– Ни в коем случае. Просто еще рано, учитывая, что я вчера допоздна сидел на свадьбе нашего родственника, моего двоюродного племянника.

– Это внук моей сестры, – строго напомнила ему мать, – и не понимаю, почему ты все время должен мне возражать. Или ты не рад, что приехал?

– Я очень рад, что приехал. И очень рад, что вчера побывал на свадьбе внука твоей сестры. И сидел до часу ночи, пока все гости не разошлись. Ты же сама меня видела.

– Но не смогла с тобой поговорить. Там было так шумно...

– В этом тоже виноват я?

– Не смей мне возражать. Я хотела вчера с тобой поговорить, но не получилось. Поэтому позвонила сегодня утром, а твой автоответчик советует мне оставить для тебя сообщение. Разве можно так разговаривать с матерью?

– Нельзя, – согласился он, – но мой автоответчик не может распознать, кто именно ему звонит. И автоматически включает запись. Ты ведь все понимаешь.

Матери было за восемьдесят. И она действительно все понимала. Более того, она даже научилась принимать и отправлять сообщения по Интернету уже когда ей исполнилось восемьдесят. Но ей так хотелось немного поговорить с сыном, немного ему пожаловаться. И услышать его голос.

– Мама, – мягко добавил Дронго, – я помню, что сегодня должен к вам приехать. И обязательно приеду, можешь не волноваться.

– Надеюсь, что приедешь. Но я звоню тебе не поэтому. Я хотела тебя предупредить, что к тебе обратится одна молодая девушка. Ее зовут Сабина. Фамилия Абасова. Она обещала написать тебе на твой электронный адрес.

– Она уже написала, – вспомнил он вчерашнее письмо.

– Очень хорошо. Я хочу, чтобы ты ей помог. Алло, ты ме-

ня слышишь? Считай, что это моя личная просьба.

– Мама, как я могу ей помочь, если я даже ее не видел. И не знаю, какая у нее проблема. Она только написала, что просит ей помочь.

– Вот ты и помоги. Для начала напиши ей ответное письмо как интеллигентный человек, а потом помоги. И считай, что это моя большая личная просьба.

– Обязательно. Но кто она такая? Неизвестная мне дальняя родственница или опять дочь твоей подруги?

– Тебе не стыдно? Я так часто тебя о чем-то прошу?

– Я буду выполнять все ее просьбы и поручения, – пообещал он, – только не волнуйся.

– Как это не волнуйся. Я очень волнуюсь. Ты становишься черствым человеком. Стал меньше звонить. Даже Джил из Италии звонит гораздо чаще, чем ты...

– Я учту твою критику.

– Это не критика. Мать имеет право быть недовольной своим сыном. Алло, ты меня слышишь? Что ты делаешь?

– Ищу ручку.

– Зачем?

– Я записываю каждое твое слово.

– И перестань шутить. Это внучка Лейлы Абасовой, моей подруги по старым временам. Мы с ней работали еще вместе в комсомоле.

– Это когда вы вместе служили в штабе Буденного? – пошутил сын.

– И не смей намекать на мой возраст. Когда была армия Буденного, меня не было на свете. Ты прекрасно знаешь, что мне только восемьдесят пять.

– Прекрасный возраст. Если бы ты еще прекратила работать, было бы замечательно.

– Ты хочешь усадить меня дома и никуда не выпускать. А моя работа дает мне чувство ритма жизни.

Она была ректором университета более тридцати лет и в последние годы продолжала преподавательскую деятельность, даже выйдя на пенсию.

– Поступай как считаешь нужным, – примиряюще сказал Дронго.

– Сначала ты меня послушай. Отправь ей письмо и назначь ей встречу. Чтобы она могла с тобой встретиться в Москве. У нее трагедия, арестовали ее дядю. Это тоже сын Лейлы Абасовой, только он младший сын, а отец Сабины – ее старший сын. Ты меня слышишь?

– Конечно, слышу. Я все понял. Ты не беспокойся. Прямо сегодня и напишу.

– Сейчас, – потребовала мать, – прямо сейчас. Так будет правильно.

– Обязательно напишу. Только скажи мне, за что арестовали ее дядю? Она тебе говорила?

– Мне звонили ее родители. Сын и невестка Лейлы-ханум. Они просили о помощи. Сказали, что Сабина тебе сама все расскажет. Ее дядя известный бизнесмен в Москве. И его

посадили в тюрьму. Хорошо, что бедная Лейла не дожидла до этого дня. Она бы не вынесла такого позора.

– Тебе сказали, за что именно его посадили?

– Конечно, сказали. Придумали, что он убил своего сотрудника.

– Бизнесмен, убивший своего сотрудника? – нахмурился Дронго. – Обычно бывает наоборот.

– Он ни в чем не виноват. Сабина хочет с тобой встретиться и переговорить. Она тоже юрист, работает в крупной немецкой компании. Ты меня понимаешь. Ты должен ей написать. Считай, что это моя личная просьба.

– Прямо сейчас и напишу. Потом побреюсь, приму душ и приеду к вам.

– Я уже не дождусь, когда ты наконец решишь у нас появиться, – ворчливо заметила мать, – а вообще лучше позвони ей. У меня есть ее московский телефон. Сейчас я его найду...

Он попытался ее остановить, но было уже поздно. Она отложила трубку и отправилась на поиски московского телефона внучки своей давней приятельницы. Он терпеливо ждал у аппарата. Положить трубку в такой момент значило обидеть ее на всю жизнь. Она искала записанное долго, минуты три или четыре. Наконец он снова услышал в трубке ее голос.

– Я нашла, – торжествующе сказала мать, – запиши ее телефон.

– Не нужно. Я запомню. Продикуй мне этот номер.

– Сначала нужно набрать ноль ноль. Потом четыреста девяносто пять. Это код Москвы...

– Мама. Я все это знаю. Назови номер.

Она назвала семизначный номер. Он сразу его запомнил. Он вообще никогда не записывал номера, предпочитая оставлять их в своей памяти.

– Ты его запомнил? – спросила она.

– Конечно. Ты ведь знаешь, что я никогда не записываю номера телефонов.

– Иногда мне кажется, что некоторые номера ты забываешь. Например, мой.

– Я его никогда не забываю. Но иногда бывает много работы.

– Так много, что ты не можешь даже позвонить своей матери...

– Да, ты права. Это свинство с моей стороны. Больше такого не будет.

– Знаешь, – неожиданно сказала она, – мне иногда бывает очень больно. Когда был жив твой отец, ты звонил почти ежедневно. А сейчас...

Он подумал, что она права. При воспоминании об отце у него заныло сердце. Это был его лучший друг и советчик. Он ушел на девятом десятке лет, прожив с его матерью больше полувека. Ушел, заснув и не проснувшись. Улыбаясь чему-то своему, увиденному в последний раз. Говорят, что по-

добной смертью Господь одаряет праведников. Но боль все равно остается.

– Извини, – сказал сын, – я обязательно к тебе сегодня приеду.

Положив трубку, он молчал целую минуту, закрыв глаза. Ему казалось тогда, что мир стал неполным, если в нем не осталось места для его отца. Вся прежняя жизнь была опрокинута и казалась теперь одним счастливым сном. Он прожил вместе с родителями почти сорок девять лет. Другой мог бы назвать это счастьем. Он подумал, что боль потери бывает одинаковой и в десять, и в двадцать, и в сорок, и в пятьдесят лет. Или это не совсем так. Боль потери в десять лет – это жизнь подростка без отца в самые нужные моменты жизни. Боль потери в двадцать лет – это жизнь молодого человека без отца в период становления новой жизни. Боль потери в тридцать лет – это жизнь человека без мудрого осмысления прожитых лет и без должного наставника. В сорок лет с потерей начинаешь смиряться. В пятьдесят уже сам чувствуешь себя не совсем молодым человеком. Но боль все равно остается.

Он набрал московский номер Сабины Абасовой. И услышал ее энергичный голос.

– Доброе утро. Я вас слушаю.

– Здравствуйте. Вы вчера ночью написали мне письмо. Меня обычно называют Дронго.

– Ах, извините. Я не думала, что вы мне позвоните. Изви-

ните и за мое сумбурное письмо. Я так волновалась. Вы наверно подумали, что я экзальтированная особа, которая пытается с вами связаться. Я даже хотела переделать письмо, но было уже поздно, я его отправила.

– Ничего страшного. Нормальное письмо.

– Вы, наверно, перезвонили из вежливости. Мои родители знают вашу маму, которая дружила с моей бабушкой. И, наверно, через нее вы узнали мой номер телефона. Извините нас, мы не думали вас так беспокоить.

– Непоправимое уже случилось, – полушутя пробормотал он, – меня уже побеспокоили. А теперь скажите, почему вы меня ищите и чем я могу вам помочь?

– Это не телефонный разговор. Простите меня за назойливость, но когда вы будете в Москве?

– Завтра вечером.

– Мы можем увидеться? Я бы вам все рассказала.

– Хорошо. Тогда я буду ждать вас в семь часов вечера у себя дома. Вам удобно?

– Очень. Я как раз закончу работу и приеду к вам. Где вы живете?

Он назвал свой московский адрес.

– Наш офис в двадцати минутах езды от вас, – удовлетворенно пробормотала она, – тогда я точно не опоздаю. Вы знаете, эти ужасные московские пробки.

– Знаю, – сказал он, – значит, договорились, завтра в семь часов вечера.

– Даже не знаю, как вас благодарить, – взволнованно произнесла Сабина.

– Лучше поблагодарите мою маму, – посоветовал Дронго, – это она дала мне ваш номер телефона.

– Обязательно, – кажется, его собеседница не поняла, что он шутит.

Он положил трубку и посмотрел на часы. Сегодня он проведет весь день со своей мамой. В конце концов она права. Он просто не имеет права вести себя иначе.

Глава вторая

Он прилетел в Домодедово дневным рейсом и уже к пяти часам вечера был дома. Ровно через два часа снизу позвонил дежурный охранник, который сообщил, что к нему приехала молодая женщина, которая хочет подняться. Еще через несколько минут она входила в его квартиру. На вид ей было лет тридцать пять. Собранные на затылке волосы, умное, интеллигентное лицо. Модные очки. Тонкий носик, темные раскосые глаза, чувственная линия губ, очерченные скулы. У нее была подтянутая фигура спортсменки. Одета в темный брючный костюм, она выглядела достаточно элегантной бизнес-леди. На лице почти не было макияжа. Она вошла в его квартиру достаточно уверенно, не смущаясь. В левой руке у нее был портфель. Первой протянула ему руку.

– Сабина Абасова. Хотя по мужу я Сабина Корренс.

– Очень приятно. Меня обычно называют Дронго, – рукопожатие было сильным.

Они прошли в гостиную, и она уселась в кресло. Он сел напротив, подвинув к ней столик с напитками.

– Спасибо, – поблагодарила она, – я ничего не буду пить. Только, если разрешите, стану курить.

– Хорошо, – вздохнул он. Нельзя говорить своей молодой гостье, что он не курит и не разрешает дымить в своей квартире гостям.

Она достала сигареты, зажигалку. Положила их перед собой.

– Вы, наверно, уже знаете, зачем я пришла? – спросила она.

– Примерно знаю. Мне сказали, что ваш дядя арестован за убийство своего сотрудника. Это верно?

– Да. Убийство произошло четырнадцатого числа прошлого месяца. Прокуратура уже заканчивает следствие и скоро передает дело в суд. Считается, что преступление доказано.

– Мне сказали, что вы юрист.

– Да. Я закончил Санкт-Петербургский университет. Юридический факультет. Кажется, сейчас его называют кузницей Президентов. Сразу два Президента России закончили этот факультет.

– Тогда нам будет легче разговаривать. Какое обвинение?

– Убийство с отягчающими вину обстоятельствами.

– Тянет на пожизненное заключение, – нахмурился Дронго.

– Верно. И боюсь, что прокуратура будет настаивать именно на этой мере наказания.

– А почему такая суровая статья? Вы знаете обстоятельства дела?

– Конечно, знаю. Мы с ним часто встречались, разговаривали, даже, можно сказать, дружили. У нас с ним была небольшая разница в возрасте, только десять лет. Мне трид-

цать четыре, а ему сорок четыре года. Он был младшим сыном у моей бабушки. Она родила пятерых детей. Старший, мой отец, ему уже почти шестьдесят. А младший был мой дядя. Между ними родились три девочки, мои тетки.

– Большая семья...

– И счастливая, – кивнула она.

Она взглянула на пачку сигарет, но заставила себя их не трогать. Было видно, как она колеблется.

– Что произошло? – спросил Дронго. – Чем я могу вам помочь?

– Его обвиняют в преднамеренном убийстве, совершенном с особой жестокостью, – пояснила Сабина, – дело в том, что мой дядя Ахмед Абасов работал вице-президентом в банке «Универсал». Довольно небольшой банк, но достаточно динамичный и очень неплохо развивающийся...

– Откуда вы знаете?

– Я работаю в немецкой аудиторской компании в юридическом отделе, и мы знаем точные рейтинги всех московских банков.

– И вице-президент московского банка убил своего сотрудника? – не скрывая своего скепсиса, спросил Дронго.

– Именно так. Более того, есть даже два свидетеля случившегося.

– Давайте по порядку. Как это произошло? Где и когда?

– Четырнадцатого числа прошлого месяца. В отеле «Аврора Марриот» на Петровке, вы, наверно, знаете этот отель?

Он кивнул головой, не перебивая ее.

– В половине четвертого дня там снял номер его сотрудник Алексей Тимофеевич Паушкин. В половине седьмого он сам туда приехал. В половине восьмого там появился мой дядя. Он поднялся в номер к Паушкину. Через некоторое время оттуда донеслись громкие крики. Когда туда ворвались двое сотрудников службы безопасности отеля, они увидели, как мой дядя несколько раз ударил ножом Паушкина. Тот умер на месте от большой потери крови. Дядю задержали, допросили. В первые дни он был словно невменяемым. Затем пришел в себя, полностью признал свою вину. Отвечал на все вопросы следователя. Объяснил, что давно не любил Паушкина, который был заместителем начальника отдела в их банке. Конфликт произошел на личной почве, нож дядя якобы принес заранее. Умышленное убийство сотягчающими вину обстоятельствами. И двое свидетелей.

– Может, они видели, как он вынимал нож из тела убитого? В Древнем Риме в таких случаях говорили, что не следует торопиться с обвинениями, может, этот человек только решил помочь жертве.

– Не получается, – безжалостно заявила Сабина, – они видели, как он несколько раз ударил ножом. Он был весь забрызган кровью Паушкина. Нож приобщен к делу в качестве вещественного доказательства.

– Если обстоятельства дела именно таковы, как вы сказали, то я не совсем понимаю, чем именно могу помочь вам

или вашему дяде. Извините меня, Сабина, но я привык говорить правду.

Она вздохнула. Протянула руку к пачке сигарет, достала одну, щелкнула зажигалкой, закурила. И немного помолчав, сказала:

– Я даже не знаю, как именно вы можете нам помочь. Только я в вас очень верю. Я столько слышала о ваших способностях. Говорят, что вы самый лучший эксперт, самый проницательный аналитик. Вы умеете распутывать самые запутанные дела, умеете находить то, чего не видят другие.

– Но не в данном случае, – недоуменно ответил Дронго, – как можно помочь человеку, который зарезал своего подчиненного на глазах у двоих свидетелей и сам признается в этом преступлении. В моей практике бывали невероятные случаи, но здесь явное убийство, и я не представляю, как можно помочь вашему дяде?

– Не знаю. Я действительно не знаю. Его адвокат говорит, что если бы не этот нож, то возможно ему удалось бы переквалифицировать статью на менее тяжкую. Просто умышленное убийство. А так получается, что он заранее готовился к этому преступлению.

– Какой был нож?

– Охотничий. Большой нож с характерными зазубринами. Такими, наверно, режут крупных зверей, медведей или кабанов.

– Это был нож вашего дяди? Он вообще охотник?

– Нет. Я часто бывала у них дома и никогда не видела этого ножа. И его жена ничего не знала об этом ноже. Мой отец действительно охотник, а мой дядя вообще не любил охоты.

– Тогда откуда нож?

– Не могу понять. Но дядя утверждает, что это его нож.

– Интересно. Вице-президент банка зарезал охотничьим ножом своего сотрудника. Впервые в жизни слышу о таком случае. Они давно были знакомы друг с другом?

– Не очень. Паушкина перевели из филиала в Московской области. А дядя Ахмед работал в банке уже восемь лет. Пройдя путь до вице-президента банка. И все считали, что он скоро будет первым вице-президентом банка.

– Почему?

– Первый вице-президент должен был уходить на пенсию. Ему уже шестьдесят пять. Ребрин Дмитрий Григорьевич. Все считали, что его заменит Ахмед Абасов. В банке об этом говорили уже не стесняясь.

– И Ребрин об этом знал?

– Разумеется, знал.

– А кто президент банка?

– Гольдфельд Иосиф Яковлевич. Очень известный финансист. Его фотографии часто мелькают в разделах светской хроники. Возможно, вы его видели. Он любит бывать на разных мероприятиях.

– Как он относился к вашему дяде?

– Очень хорошо. Гольдфельд фактически один из главных

акционеров банка. И именно он все время продвигал моего дядю и готовился сделать его своим первым вице-президентом.

– А ваш дядя вместо того чтобы спокойно дожидаться назначения, нашел охотничий нож и приехал в отель, чтобы зарезать своего сотрудника. Глупо получается. Где он работал до того, как прийти в «Универсал»?

– В Сбербанке. Пять лет. Потом еще шесть или семь лет в «Петрокоммерцбанке». А затем пришел в «Универсал».

– Значит, он работал финансистом почти двадцать лет. Верно?

– Да. Больше двадцати лет.

– Работал в финансовой области, где требуется выдержка, спокойный анализ, терпение, умение работать с клиентами. И такой человек вдруг берет нож и едет убивать своего сотрудника. Кстати, почему не на работу? Почему нужно было ехать в отель?

– Вот поэтому я и пришла к вам, – она потушила сигарету в пепельнице, – я тоже начала задавать эти вопросы. Ведь, если он хотел убить этого Паушкина, то зачем нужно было ехать за ним в отель, рискуя не найти там своего сотрудника. Легче было просто убить его в самом банке. Хотя следователь прокуратуры считает, что все понятно. Вечером Паушкин ушел раньше обычного. И кто-то вошел в его кабинет и все там перевернул. Следователь считает, что это сделал мой дядя. Там нашли отпечатки его пальцев. Он говорил об

этом адвокату. Дядя сначала ворвался в комнату Паушкина, разгромил весь кабинет, а затем поехал в отель, чтобы найти и убить его.

– Когда заканчивается рабочий день в банке?

– В шесть, как обычно.

– Где находится центральный офис банка?

– На Тверской.

– Оттуда до отеля совсем недалеко. Даже с учетом пробок, – задумался Дронго, рассуждая вслух. – Если считать, что ваш дядя вошел в кабинет Паушкина, устроил там разгром и затем вышел, то после этого прошло полтора часа, прежде чем он появился в отеле, где нашел свою жертву. Многовато для состояния аффекта. А ведь вы говорили, что он был забрызган кровью. Значит, нанес несколько ударов.

– Девять, – кивнула Сабина, – медицинская экспертиза установила, что девять ударов.

– Что-то не получается, – медленно произнес Дронго, – по закону любое противоречие должно толковаться в пользу обвиняемого. Сначала неизвестно откуда появившийся нож, затем разгромленная комната Паушкина. И появление вашего дяди в отеле. Откуда он узнал, в каком номере находится Паушкин. Он у кого-то об этом спрашивал?

– Не знаю, – растерялась Сабина, – по-моему, следователь не проверял этой версии.

– И мотив, – напомнил Дронго. – Зачем ему убивать заместителя начальника отдела. Или тот метил на его место?

– Нет. Конечно, нет. Куда Паушкин, а куда Ахмед Абасов.
Расстояние как от Земли до Луны.

– Тогда какой мотив? Что написал следователь?

– Личная неприязнь.

– Это не объяснение.

– Ничего другого нет. И дядя признается в убийстве.

Дронго поднялся. Сделал несколько шагов по комнате. Сабина молча наблюдала за ним.

– Интересно, – пробормотал Дронго, – очень интересно. Мне кажется, я впервые сталкиваюсь с подобным преступлением. Может, адвокату следовало поговорить более откровенно с вашим дядей и объяснить ему, чем грозит вынесение приговора. Это гарантированное пожизненное заключение. Нужно как-то повлиять на вашего дядю, чтобы он боролся за свою жизнь. Может, у него были иные мотивы для убийства?

– Он говорит, что нет, – Сабина тяжело вздохнула. Потянулась к сигаретам. Взяла вторую, но не стала ее курить. Понюхала и положила перед собой.

– Пытаюсь бросить, – призналась она. – А вы не курите?

– За всю жизнь еще не выкурил ни одной сигареты, – признался Дронго.

– Вы счастливый.

– Просто умный.

– Это значит, что я не очень умная.

– Я этого не говорил. Но если вы курите, то, значит, не очень хорошо относитесь к своему здоровью. Или я не прав?

– Меня приучил к этому мой бывший супруг, – призналась она, – он дымил как паровоз. Любил сигары...

– Бывший? – повернулся он к ней.

– Я ведь Сабина Корренс, – напомнила она, – меня даже считали немкой. Хотя у азербайджанцев это довольно распространенное имя. Я вышла за него замуж, когда мне было двадцать четыре. Три года прожила в Германии. Потом вернулась сюда. Мы разошлись не сразу, он еще приезжал, пытался помириться. Но затем мы подали на развод. Хотя по документам у меня еще его фамилия. Это помогает при получении визы и разных документов. У меня немецкое гражданство.

– Вы так прагматичны?

– Скорее практична. Немецкий паспорт позволяет жить так, как мне хочется.

– И вы считаете, что я могу помочь вам в этом непонятном деле?

– Уверена.

– Спасибо. Вы меня успокоили. Кто его адвокат?

– Боташев. Жагафар Сабитович Боташев. Кажется, он черкес или кабардинец.

– А следовательно?

– Катусев, – вздохнула Сабина, – Валерий Георгиевич.

– Молодой?

– Увы. Ему только тридцать.

– Почему увы?

– Он племянник заместителя генерального прокурора. И пока только младший советник юстиции. Чтобы получить должность следователя по особо важным делам и повышение в чине, он обязан завершить столь успешно начатое громкое дело по обвинению в умышленном убийстве вице-президента банка. Вы сами можете себе представить, какое громкое дело получается. Два свидетеля и подозреваемый, который во всем признался. Не дело, а мечта дилетантов. И ведь раскрытое убийство пойдет в зачет не только следственному комитету, но и прокуратуре. Значит, Катусев должен успешно завершить расследование дела и передать его в суд. В случае вынесения обвинительного заключения Катусев почти наверняка станет следователем по особо важным делам и получит следующий чин. Все предопределено, осталось только посадить моего дядю на скамью подсудимых.

Она поправила очки, взмахнула рукой. Сигарета, лежавшая перед ней, упала на пол, но она не заметила этого.

– Как только он закончит это дело, так сразу и получит новое назначение, – громко сказала Сабина, – вы можете себе представить, какая это гадость. Делать карьеру на крови и несчастьях других.

– Вы неправы, – он вернулся в свое кресло, – следователь обязан проводить расследование, кто бы не подозревался в совершении преступления, – напомнил Дронго, – его обязанность искать и найти преступника, совершившего убийство. Провести следствие и передать дело в суд. Если он пра-

вильно расследует дело и суд вынесет обвинительный приговор, то это большой плюс следователю. Так принято во всем мире. Это его работа, которую он обязан делать честно и непредвзято. Но обязательно делать, невзирая ни на какие другие обстоятельства. Что он и делает. Если ему за успешную работу дают повышение по службе, то это тоже правильно.

– А если его дядя ходит в больших начальниках и специально подсовывает племяннику такое дело, чтобы тот мог отличиться, то это личное дело его дяди? – разозлилась Сабина.

– Мы говорим о разных вещах, – вздохнул Дронго, – а сколько лет адвокату?

– За шестьдесят. Он добрый, но старый и какой-то потухший. Такой спокойный старичок со своими философскими взглядами на жизнь. Дядя вообще отказался от своего адвоката, но по российским законам лицо, обвиняемое в убийстве, не имеет права оставаться без защитника и ему назначили Боташева.

– Значит, он назначенный адвокат?

– Вот именно. Бедный моя дядя. У него нет ни единого шанса выкарабкаться из этой западни. И я подумала, что нужно использовать любой шанс, даже самый незначительный. И этот шанс именно вы, господин Дронго. Поэтому я уговорила моих родителей позвонить вашей маме, чтобы я могла на вас выйти. Возможно, поступок не очень этически

выдержанный, но я видела именно в вас наше единственное спасение.

– Ясно. Сколько лет было Паушкину?

– Тридцать три.

– Он женат?

– Разведен.

– Дети есть?

– Маленькая дочь. Ей восемь лет. Она живет с матерью в Новосибирске, куда они переехали в прошлом году.

– Из Москвы?

– Из Подольска. Его бывшая жена вышла замуж и уехала.

– Ясно. А у вашего дяди есть семья?

– Была, – она помрачнела. Посмотрела на пачку, увидела лежавшую на полу сигарету. Подняла ее, разломала пополам, сминая табак в пальцах. Понюхала руки и положила остатки сигареты в пепельницу. – Так легче, – объяснила Сабина.

Он терпеливо ждал, когда она ответит на его вопрос.

– У него была семья, – подняла голову Сабина, – супруга и двое детей. Но жена умерла в девяносто девятом. Онкология, ее ничего не могло спасти. Сделали две операции. Ничего не помогло. Ему тогда было только тридцать пять. И двое маленьких детей. Девочки-близнецы. Их отвезли в Баку, к теткам. Я в ту пору переехала в Москву и часто заходила к нему. Ему тогда было очень трудно, но он находил утешение в работе. Через несколько лет он познакомился с Алдоной. Потом они поженились.

– Кто такая Алдона?

– Его нынешняя жена. Ей только тридцать три года и она моложе меня. Алдона Санчук. По отцу она украинка, а по матери литовка. Такая приятная смесь. Вы бы ее видели – она заняла какое-то призовое место на конкурсе красоты в Литве. Кажется, второе. На целую голову выше меня. Высокая грудь, длинные ноги и зеленые глаза. Когда она надевала каблуки, то бывала ростом выше моего дяди. Она работала в банке «Универсал», где и познакомилась с моим дядей. Я его долго отговаривала от этого брака, но он меня не слушал. Мужчины бывают иногда такими глупыми. После этого я стала бывать у них гораздо реже. Трудно называть тетей женщину, которая на два года младше меня.

– А как вы ее называли?

– По имени. Мы и сейчас так называем друг друга.

– Как она себе ведет?

– Я не совсем поняла ваш вопрос. Что значит, как она себя ведет?

– Нервничает, злится, беспокоится, переживает, волнуется, не верит, или, наоборот, верит в случившееся. Пытается пробиться к мужу на свидание?

– Она пыталась два раза, но ее не пустили, – сказала Сабина, – я тоже хотела туда попасть, но никого к нему не пускают. Только его адвоката. И пока судебный процесс не закончится, они не обязаны никого пускать.

– Значит, она тоже переживает?

– Возможно. Но я в это не верю. Она какая-то потерянная, но не несчастная. А ведь ему грозит очень серьезное наказание. Или, возможно, это только мне так кажется. Ведь дядя был далеко не бедным человеком. Своя дача ни Николиной Горе, дом в центре на Ленинском, акции, машины. Я думаю, что он стоил порядка восьми-девяти миллионов, которые в случае его осуждения отойдут его второй супруге.

– Вы же юрист, – напомнил Дронго, – а его девочки?

– Им исполнилось несколько месяцев назад восемнадцать лет, – ответила Сабина, – значит, они уже совершеннолетние и по закону могут ничего не получить, если их отец не оставит специального завещания.

– Теперь понятно.

– Что вам понятно? – она потянулась к пачке сигарет. Он перехватил пачку и отнес ее к столу. Оставил там.

– Чтобы вас не соблазняла, – добавил Дронго. – Теперь я скажу, что именно мне понятно. Это запутанное и очень сложное дело, за которое нельзя браться. Просто потому, что в нем нет ни единого шанса, за который можно ухватиться. И тем не менее я готов попытаться вам помочь...

– Спасибо, – взволнованно произнесла гостя, снимая очки. Она достала платок и осторожно вытерла уголки глаз.

– Мы готовы заплатить вам необходимый гонорар, – уже менее решительно добавила она.

– Тогда лучше моей маме, – порекомендовал Дронго, – и не забудьте, что именно благодаря ее дружбе с вашей бабуш-

кой я готов вам помочь. А теперь сделаем главное. Нужно сообщить вашему дяде, что у него появился второй адвокат. По закону он имеет право на несколько защитников. Меня оформят, чтобы я мог с ним встречаться. И для начала мне нужно будет поговорить с господином Боташевым. Вы меня понимаете?

– Да, – кивнула она, – можно, я сразу попрошу вас об одном одолжении?

– О чем?

– Верните сигареты.

– Не верну, – ответил Дронго, – и вообще бросайте курить. Иначе через несколько лет столкнетесь с глупыми проблемами, которых можно было избежать. Считайте, что я реквизи- ровал вашу пачку сигарет в счет моего будущего гонорара. На таких условиях вы согласитесь оставить мне эту пачку?

Она кивнула, с трудом сдерживая улыбку.

Глава третья

Он приехал в юридическую консультацию на встречу с адвокатом. Боташеву было только шестьдесят семь, но выглядел он гораздо старше. Редкие волосы на крупной голове, большие слезящиеся глаза, крупные бородавки и родимые пятна на лице. Он выглядел равнодушным и спокойным стариком, который уже смирился со своим возрастом и терпеливо ждал, когда закончится его жизненный срок. Таких людей уже ничего не волновало и не могло выбить из привычной жизненной колеи. Его обычно назначали на уголовные дела, по которым необходимо было присутствие адвоката. Обычно он не очень старался, так как понимал, что его обязанность всего лишь дань формальности. На это дело его назначили еще месяц назад и он покорно согласился.

Жагафар Сабитович работал адвокатом уже сорок пять с лишним лет. Он еще помнил времена, когда осуждали валютчиков при Хрущеве, которым поменяли статью уже после ареста и расстреляли по приказу Центрального комитета партии. Он помнил годы, когда за хищение социалистической собственности наказывали гораздо строже, чем за убийство, а за взятку давали расстрелы, которые не получали насильники женщин и детей. Он помнил времена первых кооперативов, первых частных ресторанов и первых коммерческих банков. Целая жизнь прошла у него перед глазами. Ес-

ли столько видишь и узнаешь, то поневоле становишься циником. А если еще и постоянно сталкиваешься с человеческой подлостью, низостью, ложью, то поневоле становишься меланхоликом и стойком. И постепенно соединяешь в себе все эти качества, когда понимаешь все несовершенство человеческой природы.

Дронго с первой минуты оценил потухший взгляд пожилого адвоката. И пожав ему руку, уселся напротив за коротким столиком.

– Добрый день, Жагафар Сабитович, – энергично начал Дронго, – меня наняли родственники вашего клиента. Они считают, что будет лучше, если интересы Абасова будет представлять и его земляк.

– Здравствуйте, – кивнул Боташев, – мне уже звонила его племянница. Вы адвокат?

– Я профессиональный юрист. У меня есть диплом, – улыбнулся Дронго.

– Но вы не член коллегии адвокатов, – уточнил Боташев.

– Насколько я знаю российские законы, интересы подзащитного могут представлять лица, не состоящие в вашей коллегии, – напомнил Дронго.

– Они могут быть представителями частных адвокатских бюро, – согласился Боташев, – но у вас должна быть доверенность.

– У меня оформлены все документы, – достал их из своей папки Дронго, – можете не сомневаться, я вас не подведу.

– Очень хорошо, – кивнул Боташев, – значит, все в порядке. После обеда я поеду к моему подзащитному. Нам нужно сначала заглянуть к следователю, а потом отправимся к господину Абасову. Между прочим, его банк хотел нанять ему хорошего адвоката. Они готовы были заплатить даже Резнику или Падве. Можете себе представить, сколько стоят такие адвокаты? Но он отказался. Не захотел, чтобы у него вообще был адвокат. И все сразу признал. Я советовал ему ничего не подписывать. Но он все сразу признал и все подписал. Теперь я уже ничего не могу сделать.

– Вы пытались объяснить, чем именно ему грозит полное признание своей вины?

– Конечно. Он же не ребенок. Достаточно умный человек, работал в такой ответственной должности. И так неразумно себя повел...

– Как он объясняет свое поведение?

– Никак, – пожал плечами Боташев, – он ничего не объясняет. Нормально рассуждает, нормально мыслит. Все понимает. Все знает. Но как только я спрашиваю его о случившемся в отеле, он сразу замолкает, замыкается в себе. И ни с кем не хочет разговаривать. Я приносил ему приветы от жены, племянницы, брата. Он упрямо молчит. Только один раз попросил меня передать его извинения. Когда я сказал, что ему передал привет президент банка. Он просил передать Иосифу Яковлевичу его извинения...

– За что? – уточнил Дронго, – он сказал, за что именно?

– За то, что сорвался и не оправдал его ожиданий. Так и сказал, попросил прощения. И все. Больше он мне ничего не говорил. Но вы сами все услышите. Боюсь, что с вами он тоже не будет разговаривать. Хотя кто знает. Вы же его земляк.

– И как он объясняет свой дикий поступок?

– Личной антипатией к погибшему. Говорит, что они все время ссорились на работе.

– И вы в это верите? Вы это проверили?

– Мое дело представлять интересы клиента, а не опровергать его утверждения, – строго заметил Боташев, – я должен делать все для его защиты, а не доказывать, что он лжет. Пусть это делают следователь и прокурор.

– Но, возможно, именно эти факты могли бы лечь в систему защиты вашего клиента. А если он себя оговаривает? Такой вариант вы полностью исключаете?

– Как это оговаривает? – ласково улыбнулся Боташев. – У следователя есть два свидетеля, которые видели все своими глазами. В кориде установлена камера. На ней четко зафиксировано, что сначала в номер вошел Паушкин, а через некоторое время там появился Абасов. Еще через несколько минут слышались крики, ссора, шум. Двое сотрудников службы безопасности отеля стучали в дверь и просили открыть. Затем сами распахнули дверь и увидели, как Абасов наносит удары своему оппоненту. Все ясно и все доказано. Зачем ему себя оговаривать.

– Неужели вы не понимаете разницу? – настаивал Дрон-

го. — Президент банка ссорится с одним из заместителей начальников отдела. У них в банке таких отделов, наверно, десять.

— Девятнадцать, — кивнул Боташев, — ну и что? Иногда бывают ссоры из личной антипатии. У меня был случай, когда рядовой застрелил майора, командира батальона. Вы скажете где рядовой, а где командир батальона. Как они могли поспорить или пересечься. Но иногда подобное случается.

— Но не в коммерческом банке, — разозлился Дронго, — неужели вы не видите разницы?

— Он убил Паушкина на глазах двух свидетелей, — устало повторил адвокат, — сам признался в убийстве. На ноже его отпечатки пальцев. На его рубашке и пиджаке кровь убитого. Что еще нужно? Абсолютно ясное дело. Как обычно называют такие уголовные дела мечта дилетантов. Любой следователь-стажер может закрыть это уголовное дело и вписать в свой актив одно раскрытое преступление. Конечно, жалко Абасова. Он несчастный человек. Я буду строить свою защиту на фактах из его личной жизни. Девять лет назад у него умерла первая супруга после тяжелой болезни. На руках остались девочки-близнецы. Очевидно, эта травма очень сильно сказалась на его характере. Все свидетели утверждают, что он очень любил свою первую супругу. Детей отправили в Баку, к родственникам. Конечно, это была большая травма, после которой он сильно изменился, замкнулся в себе, начал пить. И в результате рано или поздно должен был

сорваться. Вот он и сорвался. Я думаю, что если судья будет женщина, она нас может понять. И мы тогда попросим пятнадцать лет. А через десять он сможет выйти.

– Через десять лет ему будет уже пятьдесят четыре года, – напомнил Дронго, – кому он станет нужен? Куда он пойдет?

– Ну, извините меня, он должен был осознавать, что именно делает. Нельзя убивать человека только в силу личной неприязни и не нести за это никакой ответственности.

– А почему он приехал в отель? Как он узнал, в каком номере находится Паушкин? Откуда взялся нож? Вы все это проверили?

– Послушайте моего совета. Не нужно крутить это дело. Чем больше вопросов, тем хуже для нашего подзащитного. Он сорвался и наделал глупостей. Устроил трагедию. Нужно его пожалеть, а вы хотите задавать ненужные вопросы, которые только усугубят его положение. Еще до того как Абасов приехал в отель, он устроил разгром в кабинете Паушкина. Там нашли его отпечатки пальцев. Это уже неопровержимые доказательства. Зачем давать прокуратуре лишний шанс посадить нашего клиента на всю жизнь. Мне его даже жалко...

– Понятно, – кивнул Дронго, – ценю вашу жалость. Значит, вы ни с кем не разговаривали?

– Почему не разговаривал? – обиделся Жагафар Сабитович, – я взял характеристику из банка, где он очень положительно характеризуется. Все трое руководителей банка, с которыми я разговаривал, были о нем очень высокого мнения.

– Трое? – переспросил Дронго.

– Да, президент банка Гольдфельд, первый вице-президент Ребрин и другой вице-президент Лочмеис. У них в руководстве банка было четверо высокопоставленных сотрудников. Президент, первый вице и двое вице-президентов.

– А вы уточнили, что Ребрин должен был уходить и на его место планировалось выдвинуть Абасова?

– Да, Иосиф Яковлевич сказал мне об этом. Он очень сожалел, что все так произошло.

– Насчет Паушкина ничего не выясняли?

– Господин Дронго, – покачал головой Боташев, – мне уже много лет и я знаю свою работу. Конечно, разговаривал. Он живет в однокомнатной квартире у ВДНХ, поменял ее с трехкомнатной в Подольске, где раньше жил. Его бывшая супруга и дочь переехали в Новосибирск, где живут и сейчас. Жена вышла замуж во второй раз, но не отказалась от алиментов, которые Паушкин ей выплачивал. Я боюсь, что они могут вчинить Абасову еще и этот гражданский иск по содержанию дочери Паушкина, которые он будет обязан выплачивать до ее совершеннолетия. В связи с потерей кормильца, хотя ее мать и вышла замуж. Меня эта проблема чрезвычайно волнует.

Дронго подумал, что у каждого свои проблемы. Ему было важно понять, почему и как произошло это непонятное убийство, а пожилой адвокат беспокоился о гражданском иске, который могли предъявить его клиенту. Каждому свое.

– С кем еще вы разговаривали? – уточнил Дронго.

– С разными сотрудниками банка. Все говорили, что Абасов очень серьезный экономист, прекрасный руководитель, но с тяжелым характером.

– С кем еще?

– С его супругой, с его племянницей. Со всеми, с кем только возможно. Даже с его водителем. И я полагаю, что моя версия защиты имеет право на существование.

– А если судья будет мужчина, то как вы собираетесь его разжалобить? Расскажите другую душеспасительную историю.

Боташев нахмурился. Достал из кармана очки, надел их и укоризненно покачал головой.

– Я вас не понимаю. Вы хотите его окончательно утопить? Я предлагаю хоть какой-то шанс на спасение нашего клиента. А вы все время пытаетесь подсказать мне, как сделать ему еще хуже.

Дронго тяжело вздохнул, уже не пытаясь спорить. С таким адвокатом можно гарантированно получить пожизненный срок. Нужно будет убедить Абасова изменить свои показания. Но как отменить такой важный факт, как отпечатки пальцев убийцы в кабинете Паушкина, где был устроен беспорядок, и показания двух свидетелей, которые своими глазами видели, как убийца наносил последние удары. Нужно будет переговорить и со следователем, чтобы уточнить некоторые факты.

Он не стал больше мучить вопросами пожилого адвоката, понимая его позицию. Боташев уже смирился с мыслью, что его подзащитному будет обязательно вынесен обвинительный приговор, и собирался лишь облегчить участь Абасова, пытаясь хоть как-то смягчить безусловное обвинительное заключение. Через полчаса они уже входили в кабинет следователя Катусева.

Молодой тридцатилетний следователь Катусев был не только племянником генерального прокурора, хотя это было его главным достоинством. Он отличался своеобразной хитростью, умел беседовать с подозреваемыми, находить общий язык со свидетелями. По-своему это был иезуитски ловкий и достаточно толковый специалист. Но учитывая родственные связи, его должностная карьера складывалась чрезвычайно успешно. И все понимали, что после завершения этого громкого дела, которое, конечно, же «случайно» досталось ему, Катусева ждет новое повышение и перевод на должность следователя по особо важным делам. Там можно было получить звание советника юстиции, а затем и старшего советника, сделав превосходную карьеру для своих тридцати лет. Важно было не сорваться и избежать видимых ошибок. Но в последнем громком деле, которое вел Катусев, ошибиться было практически невозможно.

Вице-президент банка испытывал антипатию к молодому и перспективному сотруднику своей организации. Сначала он к нему просто придирался, затем устроил погром в его ка-

бинете. После чего приехал в отель, где снял номер Паушкин, и нанес ему девять ножевых ранений в присутствии двух свидетелей. Дело было абсолютно ясным и очень громким. Не каждый раз в роли обвиняемого мог выступить вице-президент московского банка. И какого обвиняемого. Не обычное хищение или мошенничество, которое нужно было долго и терпеливо доказывать с помощью тысячи документов и справок и которое могло всегда «лопнуть» в суде. А убийство с отягчающими вину обстоятельствами, за которое Абасову могли дать пожизненное заключение, на чем и собирался настаивать выступающий на суде прокурор.

Все было настолько ясно и безупречно выверено, что Катусев уже примерял новые погоны и думал о новом назначении. Адвокатов он встретил широкой улыбкой. У него была несколько вытянутая лисья мордочка, узкие глаза, уже начинающая лысеть голова, что причиняло ему много моральных страданий, заставляя втирать в умирающие волосы массу различных лекарств.

– Добрый день, Жагафар Сабитович, – весело начал следователь протягивая руку, – а это, очевидно, второй адвокат. Очень приятно. Садитесь, господа. Как к вам обращаться?

– Меня обычно называют Дронго.

Катусев пожал ему руку.

– Странное имя, – несколько озадаченно сказал он, – садитесь. У меня хорошие новости. Скоро мы заканчиваем нашу работу и собираемся передать дело вашему клиенту для

ознакомления. Учитывая, что все бумаги он уже подписал, я думаю, для ознакомления дела ему не нужно будет много времени.

– Мы ознакомимся с делом, – кивнул Боташев.

– Вот и чудненько, – обрадовался Катусев, – и тогда мы сразу направим его в суд. Зачем человека долго мучить в тюрьме. Тем более в нашей тюрьме. Мы, конечно, предоставили ему неплохую камеру на четверых, учитывая его прежний статус. Мы же люди, понимаем, что в камеру с двадцатью рецидивистами его отправлять нельзя. Но тюрьма все равно остается тюрьмой.

– Похвальная заботливость, – иронично заметил Дронго. Катусев насторожился.

– Мы стараемся думать о людях, – осторожно сказал он, – все, что мы делаем, это прежде всего...

– Забота о человеке, – закончил за него Дронго.

– Ценю вашу шутку, – улыбнулся следователь, – вы уже оформили документы, чтобы представлять интересы Абасова в суде?

– Конечно. У меня к вам несколько вопросов.

– Пожалуйста. Дело настолько ясное и безусловное, что я готов ответить на любые ваши вопросы.

– Каким образом Абасов мог узнать, в каком номере находится Паушкин? Он кого-то спрашивал, узнавал, уточнял?

– Наверно, спросил, – ответил Катусев, – мы специально не занимались этим вопросом, но это не так важно. В спра-

вочной отеля всегда можно узнать, в каком номере проживает тот или иной гость.

– В таких отелях не дают справок подобного рода, – возразил Дронго.

– Он мог узнать у портье или консьержа, – пожал плечами следователь, – это не так важно. Самое главное, что он узнал и поднялся в номер.

– Ясно. Вы знаете, сколько стоит номер в этом отеле?

– Примерно знаю. А почему вы спрашиваете?

– У Паушкина был не такой высокий оклад, чтобы позволить себе снимать номер в этом отеле. Он имел однокомнатную квартиру в районе ВДНХ. На метро двадцать минут, не больше. Зачем ему снимать номер в таком роскошном отеле? И учтите, что он платил алименты своей бывшей супруге на содержание их дочери.

– Я не знаю, зачем он снял этот номер, – нахмурился Катусев, – может, он хотел там с кем-то встретиться. Может, ему нравилось жить в таком отеле. Это не имеет отношения к убийству.

– А может, наоборот, имеет непосредственное отношение. Ведь нам важно понять, почему там оказались и Паушкин, и Абасов. Как они могли оказаться в одном отеле и в одном номере?

– Это не загадка Шерлока Холмса, – усмехнулся Катусев, – Паушкин снял номер и приехал туда примерно в половине седьмого или чуть позже. Абасов появился в полови-

не восьмого, поднялся в номер своего сотрудника и устроил драку. На камерах внутреннего слежения видно, как они поднимались в номер. Когда из комнаты начали раздаваться крики, туда поднялись двое сотрудников службы безопасности. Они открыли дверь и увидели, как Абасов убивает Паушкина. Вот и вся загадка. Остальные детали не имеют отношения к убийству. Важно, что эти двое были знакомы и между ними оказались неприязненные отношения.

– Уважаемый Валерий Георгиевич, – возразил Дронго, – насколько я понимаю, вы уже несколько лет работаете следователем. Неужели вас не настораживает это необычное дело? Вице-президент банка совершает убийство столь нетрадиционным способом. Приходит в номер отеля и там бьет ножом своего сотрудника. Он мог его уволить или нанять киллера для исполнения такой задачи. Но приходить самому... Это настолько не укладывается в разумную логику. На почве каких отношений могла возникнуть столь явная антипатия?

– Сотрудники в банке считают, что Абасов невзлюбил Паушкина с первого дня его работы в центральном аппарате. У меня есть их свидетельские показания. Вот, пожалуйста, показания Орочко, это начальник отдела, показания Клычковой, это секретарь Абасова. Не нужно искать темную кошку там где ее нет. Так, кажется, говорили в одном известном детективе, – усмехнулся Катусев.

– Так, – согласился Дронго, – значит, вас ничего не насторожило и ничего не удивило?

– Нет, – убежденно ответил Катусев, – ничего. У нас сколько угодно таких случаев. Вы правы, обычно менеджер такого ранга или руководитель банка нанимает киллера, чтобы убрать не понравившегося ему человека или даже своего сотрудника. Цена за Паушкина не была бы большой. Пятьдесят тысяч долларов – стандартная плата за работу киллера. Абасов при желании мог нанять несколько киллеров. С его доходами это была не проблема. Просто они все обнаглели. Эти олигархи, банкиры, бизнесмены, вице-президенты... Они считают, что им все позволено. Они могут не только грабить, но уже и убивать. Такая теория вседозволенности. И презрение к тем, кто стоит ниже их по социальной лестнице. Вот Абасов и решил даже не нанимать киллера, а лично расправиться со своим сотрудником. Он был уверен, что ему все сойдет с рук и такого высокопоставленного сотрудника банка не посмеют посадить в тюрьму. Но он ошибся. И вы ошибаетесь, если полагаете, что я должен продлить следствие в силу каких-то неуставленных причин. Дело практически завершено. Осталось подписать обвинительное заключение, ознакомить с ним обвиняемого и передать его в суд.

– Теперь я понимаю, что ошибался, – грустно заметил Дронго, – очевидно, вы принадлежите к категории следователей которые никогда не ошибаются.

– Да, – разозлился Катусев, – я стараюсь работать так, чтобы никогда не ошибаться.

Глава четвертая

В комнате адвокатов они сидели на стульях в ожидании Ахмеда Абасова. Дверь открылась, и в комнату вошел мужчина чуть выше среднего роста. Крупные черты лица, большие темные глаза. Начинающие седесть усы, жесткие темные волосы. Широкие плечи, мощный торс. Такой мужчина мог понравиться женщинам. Конвоир вышел в коридор, Абасов кивнул обоим адвокатам, усаживаясь на привинченный к полу стул.

– Господин Абасов, хочу сообщить, что ваши родственники наняли вам еще одного адвоката. Вашего земляка, – сообщил Боташев, – господин... он просит, чтобы его называли господином Дронго.

– Зачем? – спросил Абасов. Это было его первое слово.

– Так решили ваши родственники, – ответил Боташев, – в данном случае вы можете отказаться.

Абасов посмотрел на нового адвоката.

– Вы из Баку? – спросил он.

– Нет. Меня нашли в Москве, – почти честно ответил Дронго.

– Кто вас нашел?

– Ваш старший брат и ваша племянница. Они попросили меня защищать ваши интересы.

– Напрасно. Я им передал, что мне ничего не нужно. Все

уже и так решено.

– Пока ничего не решено, – возразил Дронго, – но если вы будете сидеть с таким безучастным видом и твердить, что все решено, возможно, решение суда тоже станет предопределено.

– Оно и так предопределено, – возразил Абасов, – хотя делайте, что считаете нужным. Мне все равно.

– Понятно. Могу я поговорить с вами наедине?

Абасов посмотрел на него какими-то мутными глазами. Дронго даже испугался. В них не было самого главного. Интерес к жизни.

– У меня будет только одна просьба, – сказал Ахмед Абасов, – я хочу написать свое завещание, если это возможно. И нотариально его заверить.

– Вы не ответили на мой вопрос. Могу я поговорить с вами наедине?

– Зачем?

– У меня есть к вам несколько личных вопросов.

– Это ни к чему.

– И тем не менее я настаиваю.

– Вас прислала моя племянница? Сабина все никак не может успокоиться.

– Вы разрешите мне поговорить с вами наедине? – В очередной раз терпеливо попросил Дронго.

– Ладно, – кивнул Абасов, – делайте, что хотите.

Дронго обратился к Боташеву.

– Жагафар Сабитович, можно, мы поговорим с нашим другом наедине? Если это вас не обидит, конечно.

– Я все понял еще тогда, когда вы появились в нашей юридической консультации, – усмехнулся адвокат, – говорите, конечно. Вы могли говорить и в моем присутствии. Я не понимаю азербайджанского. Но учтите, что вас могут прослушивать, хотя это и запрещено законом, – он поднялся и вышел из комнаты, позвонив конвоиру, чтобы открыть дверь.

Они остались вдвоем.

– Что вам нужно? – тихо спросил Абасов? – Почему вы не оставите меня в покое? Я ведь уже признал свою вину. Что вам еще от меня нужно? Это я убил Лешу Паушкина. И двое свидетелей видели, как я его бил ножом. Что вам еще нужно?

– Давайте говорить по-азербайджански, – предложил Дронго, – так будет удобнее. Во-первых, я не адвокат...

– Интересное признание, – пробормотал Абасов, – неужели вы ангел, который прилетел сюда, чтобы меня спасти?

– И не ангел. Я частный детектив, эксперт-аналитик. Меня попросили помочь вам, расследуя ваше уголовное дело...

– Мне помочь невозможно. Я сам во всем виноват.

– Хватит, – резко прервал его Дронго, – в конце концов вы не мальчик. Ведите себя как взрослый мужчина. И ответственный человек. Ваши родственники сходят с ума, ваши дети не знают, что с их отцом, ваша племянница бежит по всем лучшим адвокатам Москвы, а вы валяете дурака. Корчите из себя мученика. Может, хватит издеваться над свои-

ми родными и близкими. Пожалейте хотя бы их.

– Я конченный человек. Очевидно, у меня такая судьба. Есть люди, у которых все предопределено. Сначала Замира, потом мой срыв. Все было предопределено, – равнодушно сказал Абасов.

– Ваша первая супруга умерла в результате тяжелой болезни, – вспомнил Дронго, – иногда подобное случается. Но насколько я знаю, вы не сломались, не опустили руки. Наоборот, через год после ее смерти вы перешли в банк «Универсал», где работали до сих пор. И работали, очевидно, очень хорошо, если сначала вас сделали заместителем заведующего, потом первым заместителем, потом заведующим отделом, потом начальником управления и, наконец, вице-президентом. Насколько я знаю вас даже хотели выдвинуть первым вице-президентом банка. И человек с такими способностями вдруг превращается в опустившегося типа, в ничтожество. Никогда не поверю.

– Не нужно меня оскорблять, – поднял голову Абасов.

– Нужно, – крикнул Дронго, – иначе я не смогу прошибить ваше стоическое равнодушие. Ты решил остаться в этой тюрьме до конца жизни? Или не понимаешь, что твое признание делает из тебя пожизненного заключенного? Хочешь умереть героем в тюрьме? А о своих детях ты подумал? Они всю жизнь будут ходить с клеймом детей убийцы. Ты этого хочешь? Тебе так больше нравится?

Он видел, как били эти слова по несчастному человеку,

сидевшему напротив него. Видел, как тот вздрагивает. Но иного выхода он не представлял. Ему было важно вывести из состояния равнодушия Абасова, заставить его начать говорить, выбить из него эту напускную маску равнодушия. Он продолжал кричать, и вдруг Абасов заплакал. Это было так неожиданно и страшно. Он обхватил руками лицо и начал громко плакать. Все его тело сотрясилось от рыданий. Дронго достал носовой платок, протянул своему собеседнику.

– Хватит, – попросил он.

– Уйдите, – простонал Абасов, – я сегодня себя убью. Не нужно мне жить. Я не должен жить...

– И очень глупо поступите. У ваших девочек и так нет матери. Как они будут без отца? Можете себе представить, что скажут в Баку? Дети человека, которого убили в тюрьме. Никто не поверит, что вы сами себя убили...

Он нарочно говорил эти безжалостные слова, чтобы образумить Абасова и через боль вывести его на возможные откровения.

– Что мне делать? – спросил наконец Абасов убирая руки. Он вытер лицо, было заметно, как он волнуется.

– Сначала успокоиться, – посоветовал Дронго, – выбросить из головы глупую мысль о самоубийстве. Затем осознать, что ничего не потеряно. И наконец, помочь мне найти возможные мотивы убийства, чтобы как-то облегчить вашу участь. Это вы убили Паушкина?

– Да, конечно, я. На глазах у свидетелей.

– Про свидетелей мы еще успеем поговорить. Первый вопрос. Где вы взяли нож?

– Не знаю. Следователь написал, что это я принес с собой охотничий нож. И я подписал свое признание. Но это был не мой нож.

– Уже интересно. Тогда чей?

– Не знаю.

– Как это, не знаете. Вы вошли в номер и нож был там?

– Да, лежал на столе. Я сразу обратил на него внимание.

– Тогда получается, что нож принес Паушкин?

– Возможно, это был его нож. Но я подписал признание, что это был мой нож.

– Понятно. Теперь второй вопрос. Как вы узнали, в каком номере находится Паушкин?

– Мне сообщили.

– Кто сообщил?

– Я не хочу об этом говорить.

– Вы пришли в гостиницу, вошли в номер, который снимал Паушкин, увидели нож на столе и сразу стали бить свою жертву?

– Нет. Сначала мы поговорили. Но я был в таком состоянии, что просто сходил с ума. Что было потом, я не очень помню...

– Почему?

– Об этом я не буду говорить.

– Интересная беседа у нас получается. Зачем вы тогда раз-

громили кабинет Паушкина?

– Я этого не делал.

– А кто это сделал?

– Не знаю. Я вообще не входил в его кабинет. Следовательно сказал, что там нашли мои отпечатки, и я подписал, что входил в комнату и устраивал там беспорядки.

– И вы точно помните, что не входили?

– Точно помню, что меня там не было. Они сидят на другом этаже, я туда даже не спускался.

– Ясно. Теперь скажите, зачем. У меня только последний вопрос. Зачем вы его убили?

– Этого я вам не скажу.

– Тогда я не смогу вам помочь.

– Значит, у меня такая судьба. Не можете, не нужно. Но я вам ничего больше не скажу.

– Это не выход. Я хочу понять ваши мотивы. Почему вы его так ненавидели?

– Это мое личное дело.

– Что-то личное?

– Я не стану отвечать на ваши вопросы.

– Черт возьми! Мне опять нужно напомнить вам, что я пришел сюда помогать? Помогать вытащить вас из той тупиковой ситуации, в которую вы попали. Или вы опять должны поплакать и подумать о самоубийстве, чтобы начать отвечать на другие вопросы?

– Не нужно меня мучить, – попросил Абасов, – у меня

болит голова и я хочу в камеру. Вы же не следователь...

– Я хуже. Ему нужно всего лишь отчитаться перед своим начальством и сдать дело в указанное время в суд. А мне важна истина. Любой ценой важна истина, и поэтому я буду вас мучить до тех пор, пока вы не скажете мне правду.

Абасов опустил голову.

– Почему вы не хотите мне поверить? – спросил Дронго, – я ведь не ваш враг, а ваш друг. И вы достаточно разумный человек, чтобы понимать всю сложность ситуации. Мне важно знать ваши мотивы. Зачем вы его убили? Что толкнуло вас к этому нелепому поступку?

– Я не хочу говорить на эту тему.

– Черт возьми! Вам придется говорить. Я не уйду отсюда, пока не услышу от вас мотивы вашего преступления. Что мне еще сделать, чтобы заставить вас говорить? Может, мне нужно еще раз сказать все, что я про вас думаю?

– Не нужно. Я сам все знаю, но мне тяжело...

– Обещаю вам, что никто, кроме меня, никогда не узнает о нашем разговоре. В этом вы можете не сомневаться.

Абасов снова молчал.

– Говорите, – попросил Дронго, – у меня не так много времени. Почему вы его убили?

– Я... он... я... – было заметно, как волнуется Абасов.

– Что-то личное? – снова подсказал ему Дронго.

– Да, – выдохнул Абасов, – дело в том, что он... что они... что он... Он учился вместе с моей супругой в школе...

– С вашей второй супругой, – ошеломленно уточнил Дронго. Какой кретин этот следователь, подумал он. Не выявить такого факта. Кажется Сабина сказала, что Паушкину было тридцать три. Почти столько же, сколько было и второй супруге Абасова. Значит, они учились вместе в школе.

– У меня супруга выросла в Подмосковье, а затем переехала в Литву, – продолжал Абасов, – до девяносто первого года они жили в Подольске, потом переехали в Литву. Она вернулась в Москву только в девяносто девятом, через восемь лет.

– Значит, ваша нынешняя супруга Алдона и Паушкин были знакомы?

– Они вместе учились, – подтвердил Абасов, – и он... он... я не могу больше говорить, – он с такой силой сжал свои кулаки, что они захрустели.

– Я вас слушаю, – Дронго подумал, что версия начинает вырисовываться.

– Ей было шестнадцать, – выдохнул Абасов, – и он был... он был ее первым мужчиной...

– В шестнадцать лет. Они были еще совсем детьми.

– Но вы понимаете, как я должен был на это реагировать. Они увиделись потом в нашем центральном офисе, когда Паушкин приезжал сюда из нашего подмосковного филиала. И сразу узнали друг друга. Она мне о нем рассказала.

– Она говорила, что он был ее первым мужчиной?

– Конечно, говорила. Еще до того, как мы с ней стали

встречаться. Она ведь провела восемь лет в Литве. Там совсем другие нравы. Она не скрывала, что у нее были мужчины до встречи со мной.

– Вы должны были понимать, что у тридцатилетней женщины наверняка были мужчины до вас.

– Я это понимал. Она даже встречалась одно время с известным актером. Мы оба были уже не подростками. Ей было около тридцати, а мне больше сорока. Но первый мужчина... Говорят, что женщина всегда помнит своего первого мужчину. Запоминает на всю жизнь. Есть даже такая теория, что все зависит от первого мужчины. Каким он будет в постели. Нежным или грубым, ласковым или нетерпеливым. Женщина запоминает это на всю жизнь. И когда Паушкина перевели к нам в центральный офис, я буквально потерял голову. Хотя Алдона у нас уже не работала. Но они словно нарочно иногда случайно встречались на разных приемах или корпоративных вечеринках.

– Вы считаете, что она вам изменяла?

– Не знаю. У меня не было доказательств. Понимаете, мне было очень трудно. Хотя я больше четверти века живу в Москве. Но у меня очевидно сохранился менталитет южанина. Для меня жена – это нечто святое. Для Замиры я был единственным мужчиной. Первым и единственным.

– Хотя она не была для вас единственной женщиной, – заметил Дронго, – это наше типичное южное лицемерие. Мужчине позволено все, женщине – ничего.

– Да, – кивнул Абасов, – как у нас обычно говорят. Один мужчина для женщины – это очень много, а двое – это уже мало. Я не знаю, какие у них были отношения. Но неожиданно я начал получать сигналы об их возможных встречах. Мне звонили на мобильный и сообщали, что они встречаются. Тайно встречаются. Я стал нервным, начал срываться. Ездил за город проверять эти сообщения. Два раза заставлял жену одну за городом и устраивал безобразные сцены. Алдона плакала. Я даже думал нанять частных агентов, чтобы следили за ними. И наконец решился обратиться в одну контору. Они выследили Паушкина, который снял номер в «Марриоте» и позвонили мне, сообщив, где именно он находится. Вот тогда я уже не выдержал. Поехал туда и ворвался в номер, чтобы найти Алдону. Ее там не было. На столе лежал нож. Сначала мы просто спорили, и он все отрицал. Я пришел в бешенство, к этому времени у меня уже были некоторые доказательства их связи. Когда он стал отрицать, я схватил нож, лежавший на столе, и начал его бить... Что было потом, вы знаете...

– Типичное убийство в состояние аффекта, – пробормотал Дронго, – почему вы не рассказали об этом следователю?

– Неужели вы ничего не поняли? – поморщился Абасов. – Лучше быть убийцей, чем рогоносцем. Лучше пусть меня считают неуравновешенным психопатом, чем обманутым мужем. Такого позора я просто не переживу.

– Кто вам обычно звонил на мобильный? Мужчина или

женщина?

– Это был женский голос.

– И неизвестная женщина сообщала вам, что они встречаются?

– Да. Причем они звонили каждый раз, когда она действительно уезжала за город или куда-нибудь в другое место. Один раз она улетела в Санкт-Петербург со своей подругой на два дня. И мне сразу позвонили, сообщив, что Паушкин тоже улетел. Я взял билет и полетел в Санкт-Петербург. Ворвался к ней в номер. Она была со своей подругой. Потом мне сказали, что Паушкин отпрашивался на два дня, но я его там не застал, хотя подозрения усилились. В общем, я начал сходить с ума.

– Не легче было развестись, если вы не доверяли своей новой супруге?

– Я ее любил, – вздохнул Абасов, – может, поэтому и сходил с ума.

– Теперь все понятно. А в какое агентство вы обратились?

– У меня был их номер телефона. Кажется, «Осирис». Частное охранное агентство. Они и выследили Паушкина, когда он снял номер в отеле. Самое страшное, что сразу следом за ними позвонила Алдона, которая сообщила мне, что задержится сегодня вечером у своей подруги. Сразу после этого мне позвонил другой наблюдатель, который следил за Алдоной. И сообщил о том, что она тоже приехала в отель «Марриот Аврора». Меня словно током ударило. И тогда я

сорвался. Поехал в отель. Но Алдоны там уже не было.

Он даже не замечал, что повторяется, что рассказывает об этом уже во второй раз. Очевидно, он много раз прокручивал эти сцены в своей голове. И много раз рассказывал их самому себе. Дронго нахмурился. Даже сейчас Абасов был не совсем адекватен. Было заметно, как его волнует эта тема, хотя с тех пор прошло много дней.

– Она знает, что вы поехали туда из-за нее? Я имею в виду в отель.

– Думаю, что догадывается. Но я не виделся с ней с тех пор, как попал сюда.

– С какого телефона вам звонили?

– Не знаю. Телефон звонившего не высвечивался. Но она меня крепко доставала. У меня было такое ощущение, что эта звонившая женщина находится всегда рядом со мной. Где-то очень близко.

– А в кабинет к Паушкину в тот день вы точно не входили?

– Нет, не входил. Это абсолютно точно. Зачем? Что я там мог найти?

– Кто-то устроил там беспорядок...

– Это не я.

– Нашли ваши отпечатки пальцев. Может, вы были в таком невменяемом состоянии, что сами не понимали, как именно себя ведете?

– Нет. Я бы запомнил. И до того, как мне позвонили из «Осириса», я уже был на взводе. Дело в том, что я нашел в

другом месте... Впрочем, это неважно. Я был уже в плохом состоянии...

– Договаривайте, – потребовал Дронго.

– Нет, – упрямо и как-то зло покачал головой Абасов, – есть вещи, о которых невозможно говорить. Даже своему адвокату, даже на исповеди. Неужели вы ничего не понимаете? Я не стану вам рассказывать такие подробности, которые могли бы скомпрометировать Алдону и опозорить меня. Скажу только, что я был в тот вечер в ужасном состоянии. Но в кабинет Паушкина я не входил. Слишком много чести для него. И тем более никакого беспорядка я не устраивал. А сорвался только после того, как мне позвонила Алдона. Ведь оба наблюдателя подтвердили, что они встречаются в отеле.

– Это она рассказала вам, что Паушкин был ее первым мужчиной?

– Конечно. Иначе откуда бы я узнал?

– Зачем она это сделала?

– Мы тогда только познакомились. И она достаточно честно рассказала мне о своей жизни. Как жила в Подольске, как переехала в Вильнюс, как получила там звание вице-королевы красоты. Как вернулась в Москву. Как встречалась с Паушкиным, потом с одним литовским бизнесменом, за которого даже хотела выйти замуж. Затем с нашим известным актером. Мы ничего не скрывали друг от друга. Я тогда даже не мог представить себе, что в наш центральный офис переведут этого Паушкина. Иногда бывают такие роковые совпа-

дения. Очевидно, на мое несчастье.

– Перестаньте себя винить. Вас просто грамотно развели и подставили. Есть такой московский термин.

– Я думал, что это относится только к деньгам.

– Возможно, и к деньгам. Вас готовили на должность первого вице-президента банка. И об этом все знали. Вполне вероятно, что Ребрину, которого вы должны были заменить, все это не очень нравилось.

– Совсем не нравилось. Но он понимал, что должен уходить на пенсию. У нас с ним разница более чем в двадцать лет.

– Представляю, как ему не хотелось уходить. У вас уже составлено завещание?

– Нет. Но я хотел оставить завещание, чтобы все передать своим детям.

– Не получится. У вас супруга не работает, значит половина имущества автоматически переходит к ней. Вот ведь как интересно получается.

– Кто это придумал?

– Наследственное право, – пояснил Дронго, – современное российское законодательство.

Абасов тяжело вздохнул, посмотрел на свои руки.

– Может, действительно все это было подстроено? – неожиданно сказал он, – но в любом случае во всем виноват только один человек. И этот человек сидит в комнате, перед вами. Я убил Паушкина и я должен за это отвечать.

– Сначала мы все проверим, – сказал Дронго, – назовите номер вашего мобильного. И остальных ваших телефонов, я постараюсь все проверить. И никому не рассказывайте, о чем мы здесь с вами говорили. Иначе я не смогу ничего проверить. Никому не говорите. Ни следователю, ни вашему адвокату. Я постараюсь проверить факты, о которых вы мне сказали.

Абасов согласно кивнул.

– И еще, – добавил Дронго, – постарайтесь держать себя в руках. Легче всего уйти из этой жизни, сложнее принимать удары судьбы и не сгибаться под этими ударами. Вы меня понимаете?

– Да, – кивнул Абасов.

– А теперь позовем нашего старого адвоката. Иначе он просто обидится. Я бы на его месте так и поступил, – улыбнулся Дронго.

Глава пятая

Банк «Универсал» занимал сразу пять этажей в новом выстроенном здании, которое появилось в центре города в конце девяностых. Именно после августовского дефолта девяносто восьмого года началось разорение одних банков и становление других. «Универсал» стал одним из тех банков, для которых девальвация послужила толчком к экономическому росту. И конечно, в основе успеха банка была продуманная стратегия развития, осуществляемая его бессменным президентом – Иосифом Яковлевичем Гольдфельдом.

Дронго еще вчера записался на прием к президенту банка, пояснив, что он новый адвокат арестованного Ахмеда Абасова. К его большому удовлетворению Гольдфельд сразу назначил время, решив принять его ровно в полдень. Дронго вошел в небольшой кабинет президента банка, когда часы показывали точно двенадцать. С первого взгляда было ясно, что в этом кабинете работали. Книжные шкафы, большой стол, приставной, стол для заседаний. Стулья, кресла. Телевизор, кондиционеры. Мягкая мебель в углу, вокруг небольшого столика. Гольдфельд справедливо считал, что слишком дорогой и изысканно обставленный кабинет руководителя банка может вызвать недоверие к его владельцу, так нерачительно тратившему банковские капиталы. Сам Иосиф Яковлевич был человеком рациональным и разумным, он не лю-

бил ненужные траты и не принимал подобных расходов. При этом он готов был выделять большие суммы на благотворительность и на различные премии для актеров и художников.

Гольдфельд был подтянутым, сухощавым мужчиной пятидесяти лет. У него было несколько вытянутое лицо, светлые глаза, вьющиеся каштановые волосы, которые он немного подкрашивал, но никому в этом никогда не признавался. Он любил элегантные костюмы и смокинги, которые с удовольствием надевал на различные светские мероприятия. Пожав руку гостю, он пригласил его на уголовой диван, где обычно проводились частные беседы. Секретарь уточнив, что именно будет пить гость, внесла две чашки зеленого чая и наборы с сухарями, шоколадом и печеньем.

– Мне сказали, что вы новый адвокат нашего Ахмеда Абасова, – сразу начал беседу Гольдфельд.

– Нет. Я второй адвокат. Первый так и остался защитником Абасова.

– Мы хотели предложить свои услуги, но Ахмед отказался, – сообщил Иосиф Яковлевич, – я считал, что мы должны сделать все возможное для оказания помощи нашему вице-президенту.

Дронго отметил, что он не сказал «бывшему». Это был хороший сигнал для продолжения беседы.

– Зачем вы хотели со мной встретиться? – спросил Гольдфельд.

– Мне важно было узнать ваше мнение о случившемся, –

ответил Дронго, – вы работали с ним больше восьми лет, взяли его своим заместителем. Неужели вы так ошибались и не смогли разглядеть в нем потенциального убийцу?

– Я об этом не думал. Он пришел к нам работать больше восьми лет назад, и я сразу обратил на него внимание. Умный, толковый, очень знающий, умеющий мыслить, принимающий нестандартные решения. Когда мы сделали его начальником отдела, его отдел стал лучшим в нашем банке. Я думал выдвинуть его первым вице-президентом.

– Такие характеристики обычно не выдают убийце.

– Я убежден, что это было убийство в состоянии аффекта, – сообщил Иосиф Яковлевич, – Абасов достаточно разумный человек, чтобы совершать подобные дикие поступки. Тем более что он нанес столько ударов. Либо это ошибка, либо он был просто в невменяемом состоянии. Он не мог совершить такого преступления в своем обычном состоянии, в этом я убежден. Мы дважды посылали наши характеристики следователю, но адвокат Боташев говорил, что они не были приобщены к делу. Это нас очень обижает, ведь Абасов столько лет был нашим сотрудником.

– У меня к вам будет один очень необычный вопрос, – улыбнулся Дронго, пробуя чай. Он был вкусным, зеленый и с жасмином. – Насчет ваших отношений.

– Догадываюсь, какой, – усмехнулся Гольдфельд, – вам интересно, как вообще мы уживались. Еврей во главе банка и азербайджанец в качестве одного из его заместителей.

– И не просто азербайджанец, – заметил Дронго, – он мусульманин и шиит. Он из Баку, а там живут в основном шииты. Насколько я помню, это самые непримиримые враги Израиля в Иране и Ливане.

– Верно, – кивнул Гольдфельд, – именно поэтому мне очень важно было присутствие Ахмеда Абасова в нашем банке. Мы ведь работаем со странами СНГ и Прибалтики. Поэтому в нашем банке работают представители практически всех народов нашей страны. Среди моих трех заместителей – русский, азербайджанец, латыш. Среди начальников отделов у нас есть белорусы, украинцы, даже киргиз. Я считаю, что это наиболее верная политика в таком банке, как наш. Конечно, мы ориентируемся прежде всего на деловые качества наших сотрудников, но их национальное многообразие – это бесценный капитал нашего банка. Что касается мусульман-шиитов, то вы правы. Они настроены по отношению к Израилю наиболее агрессивно. Но я был в Баку и не видел этой агрессивности. Более того, насколько я знаю, там открыты регулярные рейсы между Баку и Тель-Авивом.

– Они даже летают под совместное пение на двух языках, – улыбнулся Дронго, – это было самое важное, что я должен был узнать. Мне важно было уточнить ваше отношение к Абасову.

– Я считал его своим другом, – поднял голову Гольдфельд, – и буду так считать, независимо от того, какой приговор ему вынесут в суде. Не знаю, почему он это сделал, но

уверен, что мы еще узнаем. Однако в любом случае он показал себя как очень компетентный и добросовестный специалист. И я не могу сказать о нем ни одного плохого слова.

– Постарайтесь не говорить этого журналистам, – посоветовал Дронго, – иначе они обратят ваши слова против вас. Вы действительно хотели сделать его первым вице-президентом банка?

– Да. Я не скрывал своих планов. Он был очень деятельный человек, на которого я мог вполне положиться.

– Ребрин должен был уйти?

– Он уже давно болеет. В прошлом году ему сделали шунтирование сердца. Есть какой-то предел для столь сложной работы, которой мы занимаемся. Нам нужно подумать и о здоровье человека. Поэтому Дмитрий Григорьевич знал, что работает здесь до конца года. Мы не делали из этого особых секретов.

– И его такая перспектива устраивала?

– Она устраивала его жену, детей и внуков. У него три дочери и шестеро внуков. Все мальчики, как по заказу. Старшему уже семнадцать. По-моему, они хотят видеть живого дедушку. Хотя он сам, конечно, недоволен. Не говорил нам об этом, но постоянно подчеркивал, как хорошо себя чувствует после шунтирования. Все время говорил, что врачи дали ему еще пятнадцать лет. Любит шутить, что его чинили по методу Дебейки. Вы, наверно, слышали – этот американский врач не дожил двух месяцев до ста лет. Можете себе

представить, какая живая реклама? Сто лет жизни. Вы знаете, я верю, что его сохранял сам Бог. Говорят, что он лично спас жизни более пятидесяти тысячам людей. Лично. Своими руками...

– Шестьдесят, – поправил своего собеседника Дронго.

– Значит, шестьдесят, – согласился Гольдфельд, – а по его методу спасали миллионы людей во всем мире. Но даже авторитет великого американского врача уже не мог бы помочь Ребрину. Он явно устает на работе, часто задыхается, испытывает болезненные ощущения. Мы стараемся его беречь, но так долго продолжаться не могло.

– А другой вице-президент не мог его заменить?

– Он только недавно у нас появился. Ральф Рейнхольдович Лочмеис. Перевелся к нам из Киева, где у нас был основной филиал. Он там очень здорово работал. Вот я и решил рекомендовать его совету директоров в качестве вице-президента. Но заменить Ребрину должен был именно Абасов.

– Это правда, что он устроил разгром в кабинете Паушкина?

– Так говорят. Но никто не видел, как он туда входил. Хотя следователь и его люди нашли там отпечатки пальцев Ахмеда. Это тоже для меня темный лес. Зачем разбрасывать бумаги в кабинете нашего сотрудника и ломать его ручки? Абсолютно нецелесообразно, тем более, что вся обстановка в кабинете, ручки и карандаши принадлежат банку, который обеспечивает ими наших сотрудников. И Ахмед Нуриевич

об этом хорошо знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.